

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВВ.): ЭВОЛЮЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

LEGISLATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST MUSLIMS (THE END OF XVIII — BEGINNING OF XX CENTURIES): EVOLUTION AND REGIONAL SPECIFICITY

**A. Gafarov
M. Galeeva**

Summary. The article is devoted to the study of the legislative policy of the Russian Empire in relation to the Muslim population in the late 18th and early 20th centuries. As a source of research, legislative and normative acts were used. The analysis showed that this policy was controversial. Despite the positive impulse for the introduction of limited tolerance, it was inconsistent, regional in nature, aimed at strengthening the imperial order.

Keywords: Russian empire, legislative policy, Muslims, late XVIII — early XX centuries.

Гафаров Анвар Айратович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
anvargafarov@mail.ru

Галеева Мариям Арслановна

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
galeeva_mariyam@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению законодательной политики Российской империи в отношении мусульманского населения в конце XVIII — начале XX вв. В качестве исследуемого источника были использованы законодательно-нормативные акты. Осуществлённый анализ показал, что данная политика носила противоречивый характер. Несмотря на позитивный импульс введения ограниченной веротерпимости, она была непоследовательной, имела региональную специфику, была направлена на укрепление имперского строя.

Ключевые слова: Российская империя, законодательная политика, мусульмане, конец XVIII — начало XX вв.

Присоединение к России в XVI — XVIII вв. обширных территорий с мусульманским населением сопровождалось активной христианизацией. Гонение на иноверчество привело к сильному этноконфессиональному напряжению в стране. Чреда народных восстаний, а также задачи восточной политики побудили российское правительство во второй половине XVIII в. несколько смягчить религиозное законодательство. В период правления Екатерины II произошёл переход к веротерпимости. Пытаясь достичь этноконфессионального компромисса, прагматичная императрица стремилась заручиться поддержкой социальных групп, обладающих реальным влиянием (феодалов, духовенства, купцов).

Готовность мусульманской элиты России к взаимным уступкам послужила основой для некоторого расширения прав мусульман и признания официального статуса ислама. Была уничтожена Контора Новокрещенских Дел (1764), разрешено вновь строительство ограниченного числа мечетей (1767). Купечество получило право торговли по всей территории империи (1776), а также орган самоуправления — Казанскую Татарскую Ратушу (1782). Татаро-башкирские феодалы были уравнены в правах с русским дворянством (1784). В 1773 г. был издан закон о терпимости всех вероисповеданий, запретивший «архиереям вступать

в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальникам» [1, Т. XIX, с. 775–776].

В 1783 г. мусульманам было дозволено избирать ахунов (старших духовных лиц) [1, Т. XXI, с. 805]. Несколько позже мусульманское духовенство получило официальный статус указных мулл и сословный орган — Оренбургское Магометанское Духовное Собрание (1788) «для заведывания всеми духовными чинами того закона» [1, Т. XXII, с. 1107]. В лице ОМДС мусульмане, таким образом, получили ограниченную религиозную автономию. Первоначально под его юрисдикцию попадало всё мусульманское население России, кроме мусульман бывшего Крымского ханства, (однако к середине XIX в. его полномочия были ограничены Европейской Россией и Сибирью). Первым муфтием стал ахун Каргалы М. Хусаинов; также были назначены его помощники — три заседателя (кадии, сменяемые каждые три года), определён секретарский штат и казённое содержание [1, Т. XXII, с. 1107–1108, Т. XXIII, с. 20–21, 452–454]. Несмотря на официальный статус, выходным днём для ОМДС (в соответствии с религиозными нормами) была утверждена пятница [1, Т. XXIII, с. 341]. Муфтиям было разрешено приобретать земли у башкир, заселять их иноверцами («нехристиан-

ского исповедания»), купленными за границей [1, Т. XXIII, с. 164–165, 399].

В 1794 г. был издан указ о создании Таврического Магометанского Духовного Правления в Симферополе; в его округ вошла Таврическая область (впоследствии и Западные губернии). Первым муфтием таврического духовенства был назначен кади-эскер Сейт-Мехмет эфенди; «в помощь ему» были определены шесть кадиев [1, Т. XXIII, с. 482]¹. В 1826 г. был утверждён порядок избрания кадиев², и лишь в 1831 г. было принято общее Положение о Таврическом Магометанском Духовенстве [2, Т. VI. Отд. II, с. 337–345]. Оренбургский и Таврический муфтии (а также кади-эскер ТМДП), как высшие чиновники, были подсудны Правительствующему Сенату [1, Т. XXXI, с. 872].

В 1805 г. был также утверждён штат «для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи»: «Ахунд или первенствующий Духовный Магмат» и семь мулл [1, Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. III и IV, с. 58]. По утверждённому правилу ахунд «имеет смотрение за всеми Муллами», право «отрешить нерадивого Муллу и определить другого верного и исправного, но с утверждения Начальника округи Елисаветпольской» [1, Т. XXVIII, с. 1109–1100; 2, Т. VI. Ч. II, с. 341]. «Главный надзор и управление духовными делами... иноверческих исповеданий на Кавказе и за Кавказом» были «сосредоточены в лице Наместника» (1856) [2, Т. XXXI, Ч. I, с. 682–683]. Впоследствии на основе Положений об управлении Закавказского Мусульманского духовенства в 1872 г. были сформированы Духовные управления: шиитского (во главе с шейх-уль-исламом) и суннитского (во главе с муфтием) мазхабов [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397].

Указом 17 декабря 1796 г. и Положением 1831 г. Таврическое магометанское духовенство было освобождено «от всяких податей и налогов» [3, с. 517; 2, Т. I, с. 911–912, Т. VI. Отд. II, с. 338]. (В 1826 г. было сделано уточнение, что запись представителей Таврического Магометанского духовенства в торговые разряды возможна в случае выхода из духовного звания и несения соответствующих повинностей [2, Т. I, с. 911–912]). Также, согласно Учреждению для управления Кавказской Области (1927), высшее местное духовенство (кадии, эфенди и ахуны) [2, Т. II, с. 152], а по Положениям 1872 г. и приходское «освобождаются от платежа казенных податей и повинностей, а равно от телесного наказания, доколе состоят в духовных должностях» [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 381–382]. «В про-

чих же Губерниях Магометанское Духовенство состоит в подушном окладе и подвержено повинностям оно» [2, Т. I, с. 911–912].

В обязанность муфтия входило разъяснение в своих фетвах государственной политики, а также контроль за мусульманским духовенством (приёмка экзаменов, назначение, смещение, проверка религиозной литературы и т.д.)³. Указные муллы (получившие утверждение муфтия) помимо своих прямых обязанностей, исполняли государственно-административные функции. В частности, в 1828 г. в приходах ОМДС и в 1832 г. — ТМДП, а позднее (1872) — Закавказского края были введены метрические книги, для записи актов гражданского состояния (рождений, браков и смертей) [2, Т. III, с. 837–240, Т. VII, с. 859–860, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397]. Их ведение и осуществление выписок [2, Т. XLIX. Ч. 1, с. 772] было возложено на приходское духовенство. Несмотря на это муллы ОМДС не были выведены из подушного оклада и выполнения повинностей, а с 1822 г. вновь могли быть подвергнуты телесным наказаниям [1, Т. XXXVIII, с. 36–37], также как и «чины приходского (Таврического — А.Г., М.Г.) Магометанского духовенства»: имамы, хатыпы, муллы, мудариссы⁴. Только в 1863 г. все духовные лица нехристианских исповеданий были изъяты от телесных наказаний [2, Т. XXXVIII. Ч. 1, с. 353]. В середине XIX в. было также определено положение мусульманского духовенства в войсках [2, Т. XXX. Ч. 1, с. 715–716, Т. XXXII. Ч. 1, с. 933, Т. XXXV. Ч. 1, с. 895–896] (Крымско-Татарского эскадрона, в казачьих войсках отдельного Сибирского корпуса, Оренбургского линейного № 11 батальона, Финляндского № 4 линейного батальона, при Гвардейском корпусе, при штабе войск в Царстве Польском и др.) [2, Т. XXX. Ч. 1, с. 715, Т. XXXI. Ч. 1, с. 62–63, Т. XXXIII. Ч. 2, с. 436, Т. XXXV. Ч. 1, с. 141, Т. XXXVI. Ч. 2, с. 663–664, Т. XL. Ч. 1, с. 565–566].

Официальное мусульманское духовенство стало не только опорой имперской власти среди мусульманского населения России, но и активным проводником её влияния в Средней Азии и Казахстане. Для укрепления российского влияния на Востоке в «степи распространяются мечети по повелению правительства» и определяются муллы из казанских татар с назначенным жалованием из казны, создаются татарские школы, строятся караван-сарай [1, Т. XXII, с. 142–144, 450, 493–495, 604–606, 839]. В указе 1782 г. повелевалось построить для казахов «мечети, выбрав к тому удобные места» [1, Т. XXI, с. 406]⁵. Подобное намерение было высказано им-

¹ По Положению (1831) ТМДП состоит из муфтия, кади-эскера, уездных кадиев (Симферопольского, Феодосийского, Перекопского, Евпаторийского и Ногайского). См.: [2, Т. VI. Отд. II, с. 338].

² Кадий избирается представителями общества из кандидатов, представленных «от Муфтия и Кади-Эскера чрез Губернатора», и утверждается Главным Управлением Духовными делами Иностранных Исповеданий. См.: [2, Т. I, с. 1239–1240].

³ В 1798 г. была определена процедура назначения кандидатов на духовные звания. См.: [1, Т. XXV, с. 195].

⁴ Однако, «чины Высшего Магометанского Духовенства ни в каком случае не подлежат телесному наказанию», § 48. См.: [2, Т. VI. Отд. II, с. 341].

⁵ Через 2 года власти напомнили «о скорейшем окончании мечетей для народов Магометанского закона, позволяя, ежели ещё где-либо оные построить нужно, Нам представить». См.: [1, Т. XXII, с. 144].

ператрицей и в отношении горцев Большой и Малой Кабарды (1792): для смирения их пригласить «несколько Мулл из Наших Казанских Татар, коим бы и мечети завести», а «для сильнейшего ж впечатления и утверждения привязанности к Нам» послать на некоторое время Оренбургского муфтия, «который с пользою употреблён был... для введения устройства» в казахских степях [1, Т. XXIII, с. 308].

Туркам, пожелавшим принять российское подданство и поселиться в Николаеве, администрация также обещала (1792) построить мечеть (с казанским содержанием имама и его помощника) [1, Т. XXIII, с. 324]¹. В 1802 г. было удовлетворено ходатайство, казахского султана Чанчар-Султамметева: о постройке за казённый счёт «мечети и дома для моления» на р. Иртыш [1, Т. XXVII, с. 67–68]. На аналогичное прошение султана Сюка (1819) государь также изъявил соизволение «на построение за счёт казны для него мечети» [1, Т. XXXVI, с. 29]. Для ногайцев, водворённых «в Таврической губернии на Молочных Водах» (Мелитопольский уезд — А.Г.) в 1806 г. были построены 6 мечетей и 6 домов для мулл [5, с. 164–165]. По принятым правилам «для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи» (1805) полагалось «исправить, возобновить и построить» «пять мечетей, назначенных в штат» и «на содержание оных ежегодно со двора давать по 50 коп» [1, Т. XXVIII, с. 1100].

В 1862 г. было разрешено «строить мечети не по одним Высочайше утвержденным образцовым планам и фасадам (1844 — А.Г., М.Г. [2, Т. XIX. Ч. 1, с. 41]), но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными» [2, Т. XXXVII. Ч. 2, с. 507–508].

Несмотря на то, что практически все сферы жизни татарского общества подпали под действие общероссийских законов, многие вопросы, не выходящие за пределы мусульманской общины, по-прежнему решались по шариату или адату (обычному праву). Это положение было закреплено в указах 1767, 1811, 1826 гг.² (и др. последующих). Сохранение норм шариата в семейно-брачных отношениях побудило Министерство духовных дел и народного просвещения к их изучению, чтобы учитывать в практической жизни³. Было также официально

признано допущение «раздела имений, оставшихся после Магометан, по их закону» [2, Т. I, с. 527–528]. «Дела сего рода в отношении к религии, предоставлять Суду Магометанской Духовной власти; а в отношении к встречающимся в оных следствиям гражданским, например: к похищению имения, к личной обиде и проч., предоставлять к власти Гражданской» [2, Т. I, с. 1265].

Данные начинания опирались на практику, апробированную в различных регионах империи. Например, в указе об учреждении родовых судов и расправ «между Горскими народами» Большой и Малой Кабарды (1792) предписывалось создать судебные органы на основе избрания населением «из лучших людей (определив им «приличное жалованье» — А.Г., М.Г.), ...не примешивая к оным никого из Наших Офицеров, по примеру тому, как с пользою заведены в Оренбурге между Киргизцами Расправы». Эти «родовые Суды и Расправы могут судить тяжёлые их дела и малые проступки по их обыкновениям; но важные преступления, как то: измена, убийство и разбой должны рассматриваемы быть в пограничном Суде по законам Нашим» [1, Т. XXIII, с. 307–308].

Близкие положения звучат в регламентах по Закавказскому региону. В «Правилах для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи» (1805) значится: «кроме драк, ссор, грабительства, воровства и смертоубийства, входить (духовенству — А.Г., М.Г.) позволено, но без всякой за то платы от спорящихся, и для того назначается от казны жалование». Имеются в виду, прежде всего, семейно-брачные дела (п. 5); «в разделе имения после родителей между детьми, — уточняется в п. 11, — поступать по Татарским (мусульманским — А.Г., М.Г.) законам» [1, Т. XXVIII, с. 1100]. Согласно Учреждению для управления Кавказской Области (1927) дела, представляющие разбор мусульманского духовенства — «одни дела, до веры и совести касающиеся, и дела по несогласию между мужем и женою, и между родителями и детьми, принадлежат разбирательству Духовенства по их законам»; в разбор гражданских дел им вмешиваться не позволено [2, Т. II, с. 152]. Аналогичные нормы были утверждены в Положениях (1872) [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397].

В Положении о Таврическом Магометанском Духовенстве (1831) также говорится, что оно «рассматривает и решит по своему закону всякие собственно Духовного рода дела Магометан» (§ 1)⁴: «возникающие в приходах дела о порядке Богослужения, о обрядах и исправлении духовных треб, также о заключении и расторжении бра-

¹ Реализовать идею создания турецкого поселения за недостатком средств не удалось. В 1800 г. турецкие колонисты переехали в Карасубазар и «приписались по состоянию в тамошние обыватели» [4].

² Ссылки на указы 28 мая 1767 г., 5 мая 1811 г. фигурируют в документе 1 декабря 1826 г. «О порядке производства дел, касающихся до Магометан». См.: [2, Т. I, с. 1265]. Исключение было сделано также для мусульманских иностранных купцов: «Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов татаров, суд и расправу чинить по их законам и по-прежнему обыкновению» (1744). См.: [6, с. 71].

³ В результате в регионы с мусульманским населением направлялись соответствующие запросы, где проводились обсуждения и уточнения. См.: [7, л. 1–2, 6, 19].

⁴ С 1854 г. было предоставлено право при несогласии с решением мусульманского суда, обратиться в «обыкновенные суды». См.: [2, Т. XXIX. Ч. 1, с. 559–560].

ков, о («нравственном» — А.Г., М.Г.)¹ неповиновении детей родителям, о спорах по завещаниям или при разделе наследства по Магометанским законам (в случае, «когда участвующие в сих делах Магометане просят о сем», § 4)² и других сего рода...; а равно о назначении Депутатов к межеванию Вакуфских земель» (§ 77) [2, Т. VI. Отд. II, с. 337, 343]³. Несмотря на то, что вакуфы в Крыму признавались «неприкосновенною собственностью Мусульманского Духовенства» и оставались «под главным распоряжением и надзором» ТМДП (1827, 1829) [2, Т. II, с. 854, Т. IV, с. 190], спорные дела по ним предавались в присутственные места [2, Т. IV, с. 56, Т. VIII. Ч. 1, с. 108]⁴.

Отмеченные ограничительные суждения и оговорки по делам о неповиновении детей родителям, наследстве были распространены и на ОМДС [2, Т. X, Ч. 2, с. 991–992, Т. XI, Ч. I, с. 504]. Священные христианские предметы (иконы, мощи, «части одежды и гробов» и др.) были исключены из права наследования иноверцами (1841) [2, Т. XVI, Ч. I, с. 429–430]. Были также введены общие ограничительные нормы в отношении дел о прелюбодеянии (1937) (магометанские духовные места должны ограничиться «наложением духовного покаяния и исправления», оставляя гражданским судам, в случае необходимости, право подвергать виновных светскому наказанию) [2, Т. XII, Ч. I, с. 526], о имущественных спорах при расторжении браков (с возможностью обратиться в обычный суд) [2, Т. XXI. Ч. 1, с. 13] и т.д. Что касается межконфессиональных браков запретительная регламентация скорее усилилась. Если брак между мусульманами и представителями евангелического исповедания с жёсткими ограничениями⁵ разрешался, то мусульман «с Христианками Российскими подданными Греко-Российского и Римско-Католического исповеданий ко вступлению в брак,— закон по-прежнему предписывал,— не допускать вовсе» [2, Т. II, с. 37].

В Средней Азии наряду с государственными судами по Положениям об управлении Туркестанским краем (1867, 1886), Степными областями (1868, 1891) также су-

ществовали народные суды (казиив и биев), «разрешающие подсудные им дела⁶ на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев» [8, с. 420]. Суд казиив рассматривал дела оседлых туземцев, исходя из положений шариата. Споры кочевников относились к ведению суда биев и судились по адату. По этому поводу Пашино П.И. писал, что казахи «обращаются по большей части с тяжёлыми делами в бийлик, суд биев». Там дела решаются «на основании чингисхановой ясы»⁷. На Кавказе с 1870 г. в соответствии с указом Сената (1869) учреждались Горские словесные суды [8, с. 401], которые также судили подобным образом. Даже там, где не создавались особые суды, дела инородцев разбирались их внутренними управлениями (в Сибири, Астраханской, Ставропольской губ.) «на основании их обычаев и обрядов»⁸. Такое положение расценивалось властью как терпимое [8, с. 558]⁹, отражающее реальную политическую и культурно-правовую ситуацию в среде мусульманского населения данных регионов [11].

Как видим, во второй четверти XIX в., несмотря на политику веротерпимости, усиливаются ограничительные меры в отношении мусульман России, ущемляющие их конфессиональное и общественно-политическое положение¹⁰. Эти тенденции ещё больше усилились во второй половине XIX в. Власти стремились усилить административный надзор за мусульманами и ограничить их некоторые права (вводится практика приведения к присяге мусульманских священнослужителей в уездных полицейских управлениях, был увеличен сбор за браки мусульман, все конфессиональные школы мусульман были подчинены надзору Министерства Народного Просвещения, дела о вакуфных имуществах были переданы в ведение Министерства Государственных Имуществ и т.д.) [2, Т. XLV, Ч. I, с. 820; 12, Т. VIII, с. 172].

Контрреформы Александра III привели к попятным движениям в общественно-политической жизни страны, ужесточению этноконфессиональной политики, усилению христианизации и русификации. Были ус-

¹ Уточнение 1934 г. «Светское наказание» по этим делам представляется предварительно на утверждение Начальника губернии См.: [2, Т. IX. Ч. 2, с. 112].

² Впрочем, при неудовольствии решением, тяжбующиеся стороны могут обратиться в гражданские суды (§ 5). См.: [2, Т. IX. Ч. 2, с. 112, Т. VIII. Ч. 1, с. 783–784].

³ По делам о прелюбодеянии «магометанский» суд не имеет права приговаривать к телесным или иным светским наказаниям, при этом личные решения муфтия не могут иметь силу судебных приговоров. См.: [2, Т. VII, с. 498–505].

⁴ По положению 1839 г. при производстве «торгов на отдачу в откуп вакуфных земель» в ТМДП должен присутствовать губернский прокурор. См.: [2, Т. XIV. Ч. 1, с. 803–804].

⁵ Венчание евангелическим духовенством, «по обряду сей Церкви», христианская принадлежность детей, прижитых от этих браков и т.д. (1826, 1827, 1832). См.: [2, Т. I, с. 577, Т. II, с. 37, Т. VII, с. 964].

⁶ Из компетенции народных судов исключались дела, связанные с тяжкими преступлениями (против христианской веры, русского населения, государственные, убийство, изнасилование, поджог и т.д.).

⁷ Однако «эта яса до того строга, что в настоящее время киргизы отдаются в некоторых родах своих преступлений русским судам, а в местах, близких к мусульманским народам, решению шариатского суда». См.: [9, с. 47].

⁸ При переносе разбирательства в мировые и общие судебные установления «решения по сим делам основываются на степных законах и обычаях инородцев». См.: [8, с. 558].

⁹ На заявлении начальника Терской области о неудовлетворительном отношении горцев к «судебно-мировым учреждениям» государь оставил пометку (1882): «Меня не удивляет». См.: [10, с. 278].

¹⁰ Например, права занимать выборные должности: «в селениях, обществах и волостях, ... где с христианами обитают магометане, голова избирается из христиан, а подчинённые ему лица могут быть избираемые и из магометан». См.: [2, Т. XIII, Ч. I, с. 564].

ложнены правила об избрании и назначении духовных лиц¹. В 1888, 1890 г. был установлен по округу ОМДС образовательный ценз «для духовных лиц»². В документах об открытии мечетей, наряду с уже традиционными требованиями³, вновь зазвучали напоминания: что построение мечетей в округе ОМДС «допускается в таком только случае, если от этого не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар»; а по Таврической губернии начальство «предварительно... где есть христианская церковь, обязано входить в сношения с Епархиальным Архиереем» [12, Т. VI, с. 533]. В 1885 г. в Крыму была проведена ревизия вакуфов. В результате заведывание ими было возложено на особую Комиссию [12, Т. V, с. 439–440], дабы провести «разыскание и приведение в известность частных вакуфов», «подлежащих переходу в ведение казны» [12, Т. VI, с. 451]. В 1891 г. были введены «временные правила» заведывания крымскими вакуфами. В Туркестанском крае решено было облагать налогами вновь учреждаемые вакуфы [12, Т. VIII, с. 616] и т.д.

Под давлением революционного, национально-освободительного движения в начале XX в. власти были вынуждены вернуться к политике веротерпимости: пойти на некоторые уступки. 26 января 1903 г. был подписан Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где было признано за благо «укрепить соблюдение властями... заветов веротерпимости», «свободное отправление их (иноверцев — А.Г., М.Г.) веры» [12, Т. XXIII, с. 114]. На основе объявленных принципов было скорректировано новое Уголовное уложение о наказаниях (1903), в котором из 65 статей «Раздела преступлений против веры и церкви» (гл. II) прежнего Уложения осталось лишь 26 статей [12, Т. XXIII. Ч. 1, с. 187–191]. В число преступлений «отпадение от православия» не было включено. Совращение к отпадению признавалось преступлением лишь в случае, если оно было совершено посредством насилия, угрозы и обольщения (ст. 82, 86). При этом виновный в поноше-

нии признанного в России нехристианского вероисповедания в храме или во время публичного богослужения наказывался арестом или штрафом (ст. 76–77) [12, Т. XXIII. Ч. 1, с. 188–190].

В последующем указе 12 декабря 1904 г. было вновь выражено «душевное желание» «охранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры», «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их (иноверцев — А.Г., М.Г.) всякого, прямо в законе не установленного, стеснения», «провести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев..., чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересам Государства и явною пользою Русского Народа» [12, Т. XXIV, с. 1197–1198]. В результате в Указе и Высочайше утверждённом положении Комитета министров 17 апреля 1905 г. («Об укреплении начал веротерпимости») было признано, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию», а посему установить, что «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки, подлежат по желанию их исключению из числа православных» [12, Т. XXV. Ч. 1, с. 257–259].

Апогеем уступок под давлением революционных сил стал Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), который наряду с прочими гражданскими свободами обещал даровать свободу совести [12, Т. XXV. Ч. 1, с. 754]. В итоге в очередной раз были изменены некоторые положения Уголовного законодательства. Количество статей главы 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» сократилось с 26 до 24; было смягчено наказание за религиозное совращение [12, Т. XXVI. Ч. 1, с. 262]. Однако нормативный и практический механизм реализации «выполнения непреклонной... воли» монарха, декларированной в Манифесте (1905), так и не был определён⁴.

¹ Однако, если Оренбургский муфтий «назначается» «Высочайшей властью» по представлению министра ВД, то Таврический муфтий и Кади-Эскер «избираются» министром ВД и утверждаются «Высочайшей властью». См.: [12, Т. X. Ч. 1, с. 5, Т. XI, с. 309].

² Для заседателей Собрания — свидетельство об испытании «в объеме курса 4-х первых классов Гимназии, уездного или городского училища, татарской учительской школы, или, ...2-х классного начального народного училища» МНП; для высшего приходского духовенства (ахуны, хатыпы) в городе — свидетельство об испытании в объеме курса «одно классного начального народного училища»; для сельских мулл — свидетельство Уездных училищных советов «о знании ими русской разговорной речи и чтения». См.: [12, Т. VIII, с. 444–445]. См. также: [12, Т. X. Ч. 1, с. 4–5, Т. X. Ч. 1, с. 663–664]. Испытания на знание русского языка «производятся особыми Комиссиями, кои... учреждаются в городах при учебных заведениях» МНП. См.: [12, Т. X. Ч. 1, с. 664].

³ О том, чтобы при каждой мечети было не меньше 200 душ мужского пола; общество предоставляло достаточное количество средств на содержание мечети и необходимого при ней духовенства.

⁴ Не были приняты законопроекты «О гражданском равенстве», «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», предложения мусульманской фракции о защите прав и положения мусульманского духовенства, вакуфной собственности, возвращении избирательных прав мусульманам Казахстана и Средней Азии, передачи конфессиональных школ в ведение ОМДС и др. См.: [13]. Отдельные постановления об учреждении штатного мусульманского духовенства в войсках (с разрешением при необходимости «приглашать мулл из ближайших мест»), «для совершения религиозного обряда «джиназа» при погребении», «приведения к присяге», «совершения общественных богослужений и произнесения проповедей» (1908); демократизации ТМДП (дозволениями занимать духовные должности при мечетях лицам всех состояний, 1912) можно рассматривать как инерцию после революционного взрыва. См.: [12, Т. XXVIII. Ч. 1, с. 368, Т. XXXII. Ч. 1, с. 86].

Коллизии политики веротерпимости лишь подтверждают мысль о том, что модернизационные попытки в России имели компенсационный характер и были в целом направлены на укрепление имперской системы [14]. Как было показано: после наступления относительной стабилизации, этноконфессиональная политика характеризуется перманентным наступлением на права иноверцев. Однако даже при этом, законодательство в отношении мусульман демонстрирует, что

преференции веротерпимости, прежде всего, представлялись колониальным окраинам (Крым, Кавказ, Средняя Азия), относительно недавно включённым в состав империи. Регионы Поволжья и Приуралья считались колониально освоенными¹. Положение местных мусульман было определено законодательством Екатерины II в последней трети XVIII века; в дальнейшем оно в основном лишь регламентировалось и урезалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. 50 Т. / Под ред. М. М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. XIX. — 1083 с., Т. XXI. — 1070 с., Т. XXII. — 1174 с., Т. XXIII. — 974 с., Т. XXV. — 932 с., Т. XXVII. — 1196 с., Т. XXVIII. — 1349 с., Т. XXXI. — 941 с., Т. XXXVI. — 734 с., Т. XXXVIII. — 1354 с., Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. III и IV. — 1178 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ-2). Собрание Второе. 12 декабря 1825–28 февраля 1881 гг. 55 Т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. — Т. I. — 1527 с., Т. II. — 1561 с., Т. III. — 1648 с., Т. VI. Ч. II. — 710 с., Т. VII. — 1414 с., Т. VIII. Ч. 1. — 792 с., Т. IX. Ч. 2. — 828 с., Т. X. Ч. 2. — 910 с., Т. XI. Ч. I. — 896 с., Т. XII. Ч. I. — 823 с., Т. XIII. Ч. I. — 1072 с., Т. XIV. Ч. 1. — 1180 с., Т. XVI. Ч. I. — 925 с., Т. XIX. Ч. 1. — 1446 с., XXI. Ч. 1. — 669 с., Т. XXIX. Ч. 1. — 912 с., Т. XXX. Ч. 1. — 779 с., Т. XXXI. Ч. 1. — 1111 с., Т. XXXII. Ч. 1. — 1067 с., Т. XXXIII. Ч. 2. — 596 с., Т. XXXV. Ч. 1. — 962 с., Т. XXXVI. Ч. 2. — 1032 с., Т. XXXVII. Ч. 2. — 837 с., Т. XXXVIII. Ч. 1. — 942 с., Т. XL. Ч. 1. — 989 с., Т. XLV. Ч. I. — 897 с., Т. XLVII. Ч. I. — 1049 с., Т. XLIX. Ч. 1. — 949 с.
3. Архив графов Мордвиновых. Том третий / Предисловие и примечания В. А. Бильбасова. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. — 706 с.
4. Познахирев В. В. «Заводится колония турецкая при Николаеве» (к истории одного несостоявшегося проекта конца XVIII века) // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3758> (дата обращения: 18.10.2018).
5. Варадинов Н. В. История Министерства Внутренних Дел. Ч. I. / [Соч.] докт. прав и философии Н. Варадинова. — СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1858. — 250 с., 45 с.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. — СПб. — Т. II. — 1907. — 476 с.
7. Государственный Архив Астраханской Области (ГААО). — Ф. Ф-488. — Оп. 1. — Д. 483. — 28 л.
8. Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Книга первая. Томы I–III. (Т. II). — СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. — 737 с.
9. Пашино П. И. Туркестанский край в 1966 году. Путевые заметки / П. И. Пашино. — СПб., 1868. — 176 с.
10. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 4. / Сост. И. И. Тхоржевским; под. гл. ред. стас-секр. Куломзина. — 472 с.
11. Гафаров А. А., Набиев Р. А. Тенденции развития правовой культуры российских мусульман (XIX — начало XX вв.) / А. А. Гафаров, Р. А. Набиев // Право и государство: теория практика. — 2012. — № 10. — С. 46–51.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). Собрание Третье. 1 марта 1881–1913 гг. 48 Т. — СПб.: Государственная типография, 1885–1916. — Т. V. — 1525 с., Т. VI. — 1261 с., Т. VIII. — 1167 с., Т. X. Ч. 1. — 1017 с., Т. XI. — 1410 с., Т. XXIII. Ч. 1. — 1277 с., Т. XXIV. — 1271 с., Т. XXV. Ч. 1. — 1109 с., Т. XXVI. Ч. 1. — 1157 с., Т. XXVIII. Ч. 1. — 1041 с., Т. XXXII. Ч. 1. — 1891 с.
13. Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917) / Д. М. Усманова. — Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1999. — 164 с.
14. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.

© Гафаров Анвар Айратович (anvargafarov@mail.ru), Галеева Мариям Арслановна (galeeva_mariyam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Не случайно мусульман этих регионов власти широко использовали на государственной службе: татарских мулл в качестве проводников имперской политики в казахских степях, а башкир на службе в «башкирском войске».